

РЕЛИГИЯ И ПЕРВОБЫТНАЯ ВЛАСТЬ В КОНЦЕПЦИИ З. ФРЕЙДА

© 2021 г. В. Н. Жуков

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 21.05.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды З. Фрейда на связь религии с первобытными формами власти. Раскрывается существо его концепции, согласно которой в тотемизме, иудаизме и христианстве в символической форме отражается акт отцеубийства, совершившегося в первобытной орде. Показывается и анализируется предложенная Фрейдом концепция о невротическом происхождении религии. Даются представления Фрейда о религиозных причинах антисемитизма.

Ключевые слова: Фрейд, психоанализ, антропология права, религия, тотемизм, иудаизм, христианство, невроз, философия культуры, философия права, философия политики, власть, право, антисемитизм.

Цитирование: Жуков В.Н. Религия и первобытная власть в концепции З. Фрейда // Государство и право. 2021. № 9. С. 31–42.

DOI: 10.31857/S102694520016756-2

RELIGION AND PRIMITIVE POWER IN THE CONCEPT OF S. FREUD

© 2021 V. N. Zhukov

*Lomonosov Moscow state University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 21.05.2021

Abstract. The article discusses the views of S. Freud on the connection of religion with primitive forms of power. The essence of his concept is revealed, according to which totemism, Judaism and Christianity symbolically reflect the act of parricide committed in the primitive horde. The concept of the neurotic origin of religion proposed by Freud is shown and analyzed. Freud's ideas about the religious causes of anti-Semitism are given.

Key words: Freud, psychoanalysis, Anthropology of Law, religion, totemism, Judaism, Christianity, neurosis, philosophy of culture, Philosophy of Law, philosophy of politics, power, law, anti-Semitism.

For citation: Zhukov, V.N. (2021). Religion and primitive power in the concept of S. Freud // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 31–42.

Культура, религия, наука. Религия — одна из древнейших форм общественного сознания, одна из наиболее древних нормативных систем. Только к XIX в. в лоне европейской культуры появляются относительно светские общества, возникает классический атеизм, лейтмотивом которого становится апелляция к науке как наиболее адекватной форме мировоззрения. Позитивизм и марксизм заостряют до предела конфликт религии и науки, убеждая своих противников и адептов в исторической обреченности первой и неизбежной победе второй. Речь шла о некоей единой науке, объединяющей в себе естествознание и обществоведение. В эпоху европейского средневековья конфликт религии и науки, разумеется, был, но с естествознанием и обществоведением он развивался по-разному. Римско-католическая церковь воспринимала естественную науку много терпимее науки социальной (или философии), поскольку в первой нуждались хозяйство, медицина и армия, а вторая виделась в качестве конкурента на мировоззренческом поле. Во всяком случае, как верно утверждал К. Поппер, в основе всякой науки лежит метафизика, т.е. нечто, родственное религии. Данный тезис представляется особенно очевидным применительно к философии и социальной науке, где истина всегда релятивна и зависит от априорных ценностных и гносеологических установок. В европейской философии всегда была и со временем укреплялась позиция, согласно которой религиозная, идеалистическая и материалистическая мысль есть разновидность метафизики, поскольку требует веры в априорные начала. Материализм и атеизм — та же метафизика, основанная на вере в могущество человека, в его возможности овладения силами природы. Метафизика сближает религию и науку (особенно социальную), они находятся не столько в оппозиции друг к другу, сколько существуют параллельно. Как невозможно научным способом доказать бытие Бога, так нельзя с помощью религии отвергнуть или принизить науку. В данном контексте представления о конфликте религии и науки представляются надуманными и наивными, и уж тем более наивными выглядят дискуссии о существовании Бога. Вопросы веры в принципе недоказуемы.

Мировоззренческая позиция З. Фрейда в целом укладывается в рамки «первого» позитивизма с его наивной верой в науку и отрицанием всякой религии и метафизики. Фрейд считает себя атеистом и материалистом, представителем научного мировоззрения. Атеизм для него — естественное следствие научного подхода. Его интересует религия главным образом как институт культуры, оказавший огромное влияние на историю человечества. Если, например, М.А. Бакунин, П.Ж. Прудон или К. Маркс рассматривали религию и церковные

организации в контексте классовой борьбы как средства, помогающие государству эксплуатировать массы, то для Фрейда религия — это прежде всего объект психоаналитического исследования. Он видит в религии благодатный материал, позволяющий продемонстрировать возможности психоанализа, в очередной раз показать его универсальный характер. Фрейд отвергает религию, поскольку она, с его точки зрения, вступает в противоречие с наукой, под которой понимается все тот же психоанализ. Он начинает с рассмотрения тотемизма, а заканчивает критическим исследованием иудаизма и христианства. Если изучение первобытных религий в целом не выходило за академические рамки и вызывало интерес преимущественно у специалистов, то применение психоанализа к традиционным европейским религиям воспринималось как подрыв цивилизационных устоев. Фрейд признается, что боялся публиковать работу «Человек Моисей и монотеистическая религия» из-за возможной на нее реакции в виде запрета психоанализа¹. Действительно, рассуждение о Ветхом и Новом Завете через призму Эдипова комплекса вполне могло выглядеть кощунством и оскорблением чувств верующих. Вместе с тем за XIX и первую треть XX в. на Западе сложилась довольно прочная научная традиция анализировать священные тексты мировых религий без оглядки на власть и религиозные объединения (следствие появления светского государства). Научные дискуссии касались по большей части связи религиозной догмы с историей и культурой регионов и народов, где религии возникали и развивались. Фрейд в целом в эту традицию укладывался, хотя и с большими оговорками. Его интересовала связь первобытной культуры с тотемизмом, культуры древних евреев — с иудаизмом и христианством.

Механизм возникновения и функционирования культуры, предложенный психоанализом, Фрейд переносит на религию. Поскольку главные источники культуры — вытесненные влечения и враждебность природы, религия как элемент культуры имеет те же источники. Так как природное состояние, рассуждает Фрейд, перенести гораздо тяжелее, чем культурные запреты, главная задача культуры состоит в том, чтобы защитить людей от природы. Культура в этом смысле есть способ самосохранения людей. Перед культурой стоит тройная задача: 1) утешить человека; 2) создать приемлемую для него картину мира; 3) дать ответы на его любознательность, вызванную практическим интересом. Утешение человека связано с очеловечиванием природы, что помогает психологически

¹ См.: Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 226.

противостоять силам природы. В данном случае индивид переживает ситуацию, сходную с его ранним детством, когда он ощущал свою беспомощность перед родителями. Переноса детские впечатления на силы природы, он придает им свойства отца, превращает их в богов. Со временем природа утрачивает человеческие черты, но беспомощность человека остается, а с нею — тоска по отцу и богам. Боги сохраняют свою тройную задачу: 1) нейтрализовать ужас перед природой; 2) примирить с грозным роком, выступающим в образе смерти; 3) вознаградить за страдания и лишения, выпадающие на долю человека в обществе. Чем более люди понимают независимость природы даже при господстве богов, чем дальше боги отстраняются от природы, тем более значительной оказывается функция богов, касающаяся вознаграждения за страдания. Боги — это результат идеального представления о всемогуществе и всезнании. Человек приписывал богам то, что ему было неподвластно или запрещено (в этом отношении развитие техники есть попытка человека самому сделаться едва ли не богом). Поскольку природа воспринимается людьми более объективно, как нечто, им неподвластное даже с помощью богов, предметом их апелляции к богам становятся социальные институты². Главная задача богов теперь состоит в том, чтобы компенсировать дефекты культуры. «Сами предписания культуры наделяются божественным происхождением, они поднимаются над человеческим обществом, распространяются на природу и историю мира»³. Наделив богов всемогуществом, люди требуют от них ответа на вопрос о смысле жизни. По логике Фрейда, осознавая бренность своего физического существования, человек создает богов, чтобы обрести в них источник тайного знания о своем земном предназначении и загробной жизни. Иными словами, люди, связывая идею смысла жизни с богами, фактически обращаются с этим вопросом к самим себе и созданным ими институтам культуры (в частности, священнослужителям). Идея смысла жизни, заключает Фрейд, возникает вместе с религиозными системами и рушится вместе с ними⁴.

Принципиальное отличие науки от религии, по Фрейду, в том, что первая дает объективное знание о мире, вторая заменяет знание иллюзией. И наука, и религия, рассуждает он, требуют веры, но в известных пределах. Так, рассказывая школьнику о том, что Земля имеет форму шара, нет необходимости предлагать ему совершить кругосветное

путешествие, данный тезис школьник принимает на веру. Здесь знание принимается на веру с учетом того условия, что его можно проверить. Религия требует веры безусловной, не требующей доказательств («Верую, ибо абсурдно»). Религиозные представления есть положения, высказывания о фактах и обстоятельствах реальности, которые человек сам не обнаруживает, но принимает их в силу веры. «Поскольку они информируют нас о самом важном и интересном в нашей жизни, они ценятся особенно высоко»⁵. Религиозные учения включают в себя три тезиса, на которые опирается требование верить в них: 1) наши предки в них верили; 2) мы обладаем свидетельствами, дошедшими до нас от той самой древности; 3) поднимать вопросы о доказательности догматов веры запрещено. Последний запрет имеет единственную мотивировку в том, что общество хорошо понимает беспочвенность притязаний, выдвигаемых религиозными учениями. В результате «мы приходим к поразительному выводу, что как раз те сообщения нашей культуры, которые могли бы иметь величайшее значение для нас, которые призваны прояснить нам загадку мира и примирить нас со страданиями жизни, имеют самое слабое подтверждение»⁶. Религия «навязывает всем в равной степени свой путь достижения счастья и защиты от страданий. Ее техника состоит в умалении ценности жизни и в иллюзорном искажении реальной картины мира — его предпосылкой является запугивание интеллекта»⁷. Религия обещает путь к счастью, но не держит своего обещания. «Когда верующий в конце концов обнаруживает, что вынужден говорить о “неисповедимых путях Господних”, то тем самым он признает последним утешением в страданиях и источником наслаждения только безусловную покорность»⁸. Таким образом, Фрейд устанавливает прямую связь между сдерживанием разума, слепой верой и социальной пассивностью, покорностью.

Религия как невроз. Согласно Фрейду, религия есть невроз, распространенный в массовой психологии, но имеющий механизм, аналогичный индивидуальному неврозу. Опираясь на идею единства онтогенеза и филогенеза, он полагает, что психическое развитие индивида в сокращенном виде повторяет ход развития человечества, и наоборот, человеческая история, поскольку включает в себя бесконечно повторяющиеся циклы (например, убийство праотца), формирует в индивидуальности стереотипы социального опыта, постоянно

² См.: Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Указ. соч. С. 27–30.

³ Там же. С. 30.

⁴ См.: Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Указ. соч. С. 76.

⁵ Фрейд З. Будущее одной иллюзии. С. 36.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Фрейд З. Недовольство культурой. С. 84.

⁸ Там же. С. 85.

воспроизводимого в каждом новом поколении. При единстве онтогенеза и филогенеза Фрейд, судя по всему, считает первый основой второго. Биология и физиология индивида — в его представлении источник любых социальных форм. Влечения, механизм сублимации и невроз суть прежде всего индивидуальные проявления.

Невроз есть следствие психической травмы, под которой Фрейд в самом широком смысле понимает некое сильное впечатление, произведенное на человека. Генезис неврозов восходит к самым ранним впечатлениям детства, которые позднее полностью забываются. Эти впечатления имеют сексуальную и агрессивную природу. Сексуальность и агрессивность связаны между собой, но сексуальность доминирует в формировании невроза. Ребенок «не может успешно проделать путь своего культурного развития, если не пройдет через фазу невроза, у одних более, у других менее отчетливую. Это происходит оттого, что ребенок не может подавить рациональной работой духа многочисленные позывы влечений, в будущем нереализуемых, но должен обуздывать их актами вытеснения, за которыми, как правило, стоит мотив страха»⁹. Травмы происходят примерно до 5 лет, когда у ребенка наблюдается ничем не скрываемая сексуальность. Психическая травма переживается в виде Эдипова комплекса. Затем сексуальность переходит в латентную фазу, а с ней уходит в подсознание и психическая травма. При наступлении половой зрелости либо несколько позднее травма дает о себе знать, что проявляется в начинающемся неврозе. Последствия травмы бывают положительные и отрицательные. Первые проявляются в том, чтобы вспомнить травмирующий факт или даже сделать его реальным, снова пережить его повторение (Фрейд называет это фиксацией на травме и навязчивым повторением). Данные переживания инкорпорируются в нормальное «Я». Отрицательные реакции преследуют противоположную цель: заблокировать любые воспоминания и повторения забытой травмы (защитные реакции). «Их основное выражение — это так называемое избегание, способное обостриться до ингибиций и фобий»¹⁰. Защитные реакции, по сути, также представляют собой фиксацию на травме, но с противоположной тенденцией. И положительные, и отрицательные реакции в решающей степени влияют на формирование характера индивида. Невротические симптомы есть следствие действия обоих стремлений (положительных и отрицательных). Психические реакции травматического происхождения существуют вне связи с реальностью. Когда внутренняя психическая

реальность начинает преобладать над реальностью внешнего мира, открывается путь к психозу¹¹.

Похожий механизм образования невроза (религии) наблюдается, по Фрейду, в истории человечества. Религиозность вырастает из детской беспомощности первобытных народов и связанного с нею обожания праотца. В дальнейшем это чувство поддерживается страхом перед всемогуществом судьбы. Первой попыткой религиозного утешения следует считать стремление индивида к единству со всем сущим, что создавало у него впечатление преодоления опасности, угрожающей «Я» со стороны внешнего мира. Ядро всех социальных неврозов, утверждает Фрейд, — Эдипов комплекс, имевший место и в первобытной орде. Травмирующим фактом сексуально-агрессивного содержания, оставившим стойкие следы, был акт отцеубийства. Подобно ребенку, влечения сородичей первобытной орды носили откровенный, незамаскированный характер. Их агрессивность и сексуальность были прямой угрозой власти отца, который, понимая это, либо изгонял, либо кастрировал старших сыновей. После убийства сыновьями отца возникает община братьев, организация которой потребовала первые запреты (убийства, каннибализма, инцеста). Фрейд подчеркивает, что не разум, а аффекты стали причиной установления запретов: «Чисто рациональные мотивы даже у современного человека мало что могут сделать против его страстных влечений; насколько же более бессильными они должны были быть у первобытного человека-зверя»¹². Всегда, рассуждает он, священники могли поддерживать в массах религиозную покорность только ценой больших уступок человеческой природе с ее влечениями. В этом смысле «безнравственность во все времена находила в религии не меньшую опору, чем нравственность»¹³. Только возродившийся в виде Бога отец оказался способным укротить влечения и вытеснить их в подсознание, откуда они вернулись в сознание в форме «Сверх-Я». Таким образом, религиозное чувство есть сублимированный страх перед убитым отцом, принявшим облик всемогущего Бога. Религиозное чувство было тем сильнее, чем мощнее действовали влечения. Сила религиозных учений, убеждал Фрейд, состоит в том, что они представляют собой «реализацию самых древних, самых сильных, самых настойчивых желаний человечества; тайна их силы кроется в силе этих желаний»¹⁴. Отказ от влечений парадоксальным образом был вызван разрушительным напором самих

¹¹ См.: там же. С. 197–205.

¹² Фрейд З. Будущее одной иллюзии. С. 52.

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ Там же. С. 41.

⁹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии. С. 53.

¹⁰ Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 201.

влечений. Но, поскольку влечения требуют удовлетворения хотя бы в форме суррогата, таким суррогатом становится религия. Религию, по Фрейду, следует рассматривать как разновидность невроза потому, что она восполняет, замещает нереализованные сексуальные и агрессивные влечения.

Амбивалентность Эдипова комплекса, согласно Фрейду, рождала амбивалентность отношения к Богу: безотчетный страх перед ним и любовь к нему, совмещенная с верой в его всемогущество. Амбивалентное отношение к отцу привело к появлению двух полярных сил — Бога и Дьявола. Изначально Бог и Дьявол были одной фигурой, позже расщепившимися на две и наделенными противоположными чертами. «В прежние времена сам Бог обладал всеми пугающими качествами, сочетание которых позже образовало его противоположность»¹⁵. Отец индивида является прототипом и Бога, и Дьявола. «В религиях можно обнаружить неустрашимые следы того факта, что первобытный отец был безгранично злым существом — больше похожим на Дьявола, чем на Бога»¹⁶.

Религия, по Фрейду, как всякий невроз отличается двойственностью: с одной стороны, она фиксирует сознание на травме в ее символической форме и навязчиво требует ее повторения, с другой — маскирует акт отцеубийства, стремясь подавить всякое воспоминание о нем. Религиозные ритуалы, воспроизводя травмирующий факт и активизируя тем самым влечения, одновременно имеют целью обоснование всемогущества Бога и святости исходящих от него запретов. «Стоит особенным образом подчеркнуть то, с какой необычной мощью утверждает себя всякий возвращающийся из забвения фрагмент прошедшего, производя неожиданно сильное воздействие на человеческие массы и заявляя неотразимое притязание на истинность, так что протесты логики против него ничего не могут. По типу *credo quia absurdum*¹⁷. Эту удивительную черту нельзя понять иначе как по образцу бредовой мании психотиков. Мы уже давно поняли, что в бредовой идее кроется фрагмент забытой истины, неизбежно извращенной и непонятой при своем возвращении в сознание, и что навязчивая убедительность, окружающая бредовую идею, исходит от этого зерна истины, распространяясь и на наслоившиеся заблуждения. Подобную истину, которую можно назвать исторической, мы должны признать и за положениями религиозной веры, хотя и несущими на себе черты психотических симптомов, но в качестве массовых явлений

непоколебимыми проклятию изоляции»¹⁸. Возникновение идеи «одного-единственного великого Бога... нужно признать пусть искаженным, но совершенно оправданным воспоминанием. Подобная идея имеет навязчивый характер, она заставляет верить в нее. В той мере, в какой простирается ее искажение, ее можно обозначить как бред; насколько она несет с собой возвращение вытесненного прошлого, мы должны называть ее истиной. Психиатрический маниакальный бред тоже содержит крупную истину, и убежденность больного переносится с этой истины на бредовую оболочку»¹⁹. Очевидно, что «историческая истина», открывающаяся в религии, — это акт убийства праотца. Согласно логике Фрейда, акт отцеубийства постоянно и неуклонно будит совесть, требует раскаяния перед Богом, но кроются за этим вытесненные и неумирающие агрессивно-сексуальные влечения, стремление повторить акт отцеубийства.

Невроз, по Фрейду, отражает явное несоответствие, противоречие между действительностью и ее восприятием индивидом. Механизм невроза призван согласовать реальность и нереализованные желания, что порождает искаженную (в большей или меньшей степени) картину мира. При индивидуальном неврозе, полагает Фрейд, искаженное восприятие мира проявляется в бредовой идее. Религия, хотя и сходна с бредом (поскольку есть следствие невроза), отличается от него. Существенная черта бредовой идеи — ее ложность, противоречие реальности. Религия также противоречит реальности и есть следствие нереализованных влечений, но, в отличие от бреда, она может содержать и долю истины. В данном случае Фрейд имеет в виду исторический факт отцеубийства и наличие его следов, представленных в символической форме. Религия, делает он вывод, — не бред, а иллюзия, т.е. искаженная картина мира, рожденная вытесненными влечениями, содержащая долю истины и не требующая подтверждения. Религиозные учения настолько же недоказуемы, насколько непроверяемы. Религия — это иллюзия, настаивает Фрейд, но некоторые из религиозных учений настолько неправдоподобны, что есть основания сравнить их с бредовыми идеями²⁰. Таким образом, религия есть навязчивый невроз, влекущий ограничения, а также иллюзия, вызванная влечениями и сопровождающаяся отрицанием действительности. Фрейд подчеркивает, что все это лишь сравнения, индивидуальная патология не является полноценной аналогией. Вместе с тем, продолжает он, неоднократно указывалось на почти полное

¹⁵ Фрейд З. Демонологический невроз семнадцатого столетия // Russian Imago 2002. Исследования по психоанализу культуры: сб. М., 2004. С. 53.

¹⁶ Там же. С. 54.

¹⁷ «Верую, ибо абсурдно».

¹⁸ Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 209.

¹⁹ Там же. С. 250.

²⁰ См.: Фрейд З. Будущее одной иллюзии. С. 42, 43.

сходство в мелочах навязчивого невроза и религии. «Со сказанным хорошо согласуется и то, что благочестивый верующий в высокой степени защищен от опасности известных невротических заболеваний: усвоение универсального невроза снимает с него задачу выработки своего персонального невроза»²¹. О том же говорится в более резкой форме: «Ценой насильственной фиксации психического инфантилизма и включения в систему массового безумия религии удастся спасти многих людей от индивидуального невроза»²².

Фрейд обращает внимание, что иллюзией является не только религия, все институты культуры (особенно государство, право, семья) так или иначе воспринимаются людьми в иллюзорном свете. Иллюзия, рассуждает он, тормозит прогресс культуры, поскольку сковывает силу разума, мешая тем самым овладеть своими влечениями. Иллюзия не просто искажает представления людей о социальных условиях их жизни, она освящает запреты, требующие критического, научного, а не религиозного объяснения. Запреты, наложенные на обсуждение сексуальных и религиозных тем, снижают интеллектуальные способности людей. Так, утверждает Фрейд, менее развитый, чем у мужчин, ум женщин обусловлен запретом на обсуждение сексуальной темы, интересующей их больше всего. На заре человеческой истории религия, по Фрейду, сыграла свою положительную роль тем, что смогла укротить влечения, поставив их под контроль социальных институтов. Но по мере развития науки религия должна уступить ей свое место, чтобы смотреть на мир и на себя глазами не ребенка, а взрослого человека. Человечество должно отказаться от религии, чтобы строить свою жизнь на основе разума, а не иллюзий. Главная роль в этом деле отводится психоанализу, который, с точки зрения Фрейда, и должен освободить разум от иллюзии, религии²³. Однако здесь он вступает в противоречие со своими исходными идеями: культура возникает благодаря не сознанию, а бессознательным психическим процессам; роль сознания всегда была и будет слабее действия инстинктов; влечения, воспроизводя культуру, с неизбежностью будут воспроизводить и религию, а значит, религия продолжит свое воздействие на массы. Пока существуют влечения и механизм Эдипова комплекса, невроз в форме религии неизбежен. Фрейд вроде бы возлагает большие надежды на освобождающее воздействие науки (психоанализа), но его базовые идеи вселяют лишь скепсис относительно возможностей разума. Расчет на то, что отказ от влечений

будет достигаться с помощью разума, а не силой аффектов, опровергается самим психоанализом.

Тотемизм. Согласно Фрейду, источник религии (как и культуры в целом) — Эдипов комплекс, отказ от влечений и механизм сублимации. Тотемизм, с его точки зрения, — исторически первая форма религии, в полной мере отражающая гипотезу об убийстве отца в первобытной орде. Ее появление фиксировало возникновение социальных институтов и нравственности. Запреты, установленные тотемизмом, — это воздержание от влечений. Тотемизм представляет собой одновременно и религиозную, и социальную системы, первоначально совпадающие, но со временем разделяющиеся. Социальная система часто переживает религиозную, и наоборот, остатки тотемизма остаются в религии, когда социальная система тотемизма уже исчезла. По Фрейду, после убийства праотца у сыновей возникает чувство вины, в их сознании убитый отец воскрешается в виде всемогущего Бога и устанавливает с ними договор: отец брал на себя обязательство защищать, заботиться и проявлять снисходительность к сыновьям, которые, в свою очередь, должны были осудить отцеубийство и не повторять его вновь. Запреты отца (убийство и инцест) становятся после его убийства обязательствами сыновей. Запрет на убийство, по Фрейду, есть первая попытка создания религии. Тотем позволял успокоить чувство вины, осуществить своего рода примирение с отцом. Тотемизм был также попыткой оправдаться: «Если бы отец поступал с нами так, как тотем, то у нас никогда бы не явилось искушение его убить». Таким образом, тотемизм способствовал тому, чтобы представить акт отцеубийства в выгодном для сыновей свете и предать его забвению. Образовавшийся клан братьев был теперь связан не только родственными узами, но и сознанием соучастия в совершенном преступлении, о котором хотелось забыть. Память об отцеубийстве вытесняется в подсознание, в сознании же возникают религия и нравственность как новые, вполне уважаемые, а потому приемлемые для братьев основания их единства.

Появление религии и нравственности в форме тотемизма Фрейд оценивает как «великий переворот», как качественный скачок на пути прогресса человечества. Но если гуманисты разных мастей и времен (светские и религиозные, идеалисты и материалисты) связывали прогресс человечества с развитием человеческой духовности, основатель психоанализа кладет в основание прогресса акт отцеубийства, вызванный главным образом организацией психики человека. «Общество покоится теперь на соучастии в совместно совершенном преступлении, религия — на сознании вины и раскаяния, нравственность — отчасти на потребностях этого общества, отчасти на раскаянии, требуемом

²¹ См.: Фрейд З. Будущее одной иллюзии. С. 54.

²² Фрейд З. Недовольство культурой. С. 84.

²³ См.: Фрейд З. Будущее одной иллюзии. С. 44, 45, 53, 57–59.

сознанием вины»²⁴. Именно убийство отца, убежден Фрейд, стало мощнейшим стимулом укрепления чувства братства, солидарности, что и обеспечивает прогресс человечества. Запрет убивать тотем (отца) с течением времени приобретает формулу «не убий».

В качестве замаскированного воспоминания об отцеубийстве остаются также запрет инцеста, обряд обрезания и жертвоприношение тотема. Запрет инцеста имел как религиозные, так и социальные истоки. Фрейд обращает внимание, что святость и святое означает запрет на действия в отношении чего-либо. Святой запрет имеет очень сильную аффективную окраску, но без рационального обоснования. Против инцеста восстают все чувства человека, но он не может его обосновать. Инцест был распространен среди правящих семей Древнего Египта, поэтому можно предположить, что он был привилегией, недоступной обычным людям. В Европе была и продолжает оставаться обычной практика близкородственных браков. Биологическое объяснение инцеста (близкородственные браки вредны для потомства) не работает, поскольку это недостоверно. Единственно верное объяснение запрета инцеста, делает вывод Фрейд, дает психоанализ, примененный к гипотезе первобытной орды: запрет инцеста и построенная на нем экзогамия — это воля праотца и продолжение этой воли после его устранения²⁵. Вместе с тем запрет инцеста имел цель поддержания нового долговременного порядка, сложившегося после устранения отца, иначе откат к прежнему состоянию оказался бы неизбежным (здесь социальные запреты начинают отслаиваться от религиозных). «Половая потребность не объединяет мужчин, а разъединяет их. Если братья заключили союз для того, чтобы одолеть отца, то по отношению к женщинам каждый оставался соперником другого. Каждый, как отец, хотел овладеть ими для себя, и в борьбе всех против всех погибла бы новая организация. Но самых сильных, кто могли бы с успехом взять на себя роль отца, — было несколько. Таким образом, братьям, если они хотели жить вместе, не оставалось ничего другого, как, быть может, преодолеть сильные непорядки, установить инцестуозный запрет, благодаря которому все они одновременно отказались от желанных женщин, ради которых они прежде всего и устранили отца. Они спасли таким образом организацию, сделавшую их сильными и основанную на гомосексуальных чувствах и проявлениях, которые могли развиться у них за время изгнания.

Может быть, это и было положение составляющего зародыш открытого Бахофеном матриархального права, пока оно не сменилось патриархальным семейным укладом»²⁶.

Обрезание в символической форме имитирует одну из причин отцеубийства — кастрацию старших сыновей праотцом. «Когда мы слышим, что Моисей “освятил” свой народ введением обычая обрезания, то теперь уже понимаем глубокий смысл этого утверждения. Обрезание — символический эрзац кастрации, некогда назначенной отцом из полноты его абсолютной власти для всех сыновей, и принимавшие этот символ показывали тем самым, что готовы покориться воле отца, даже если он обязывает их к болезненнейшей жертве»²⁷.

Обряд принесения в жертву священного животного знаменовал священную связь участников обряда между собой и с Богом. Жертвоприношение (тотемистическая трапеза), символизирующее акт отцеубийства, носит амбивалентный характер: оно воспринимается одновременно и как праздник, и как переживание ранее случившейся трагедии. Это праздник потому, что служит воспоминанием о триумфе сыновей над отцом, а также разрешает обычно запрещенное: убить отца и овладеть принадлежавшими ему женщинами всегда было предметом вожелания сыновей, что однажды и случается. Сопrotивление сына, зафиксированное в тотемизме, позднее неуклонно будет возникать в других религиях в «самых замечательных превращениях и перевоплощениях». В мировой мифологии герой — это тот, кто мужественно восстает против своего отца и победоносно его пересиливает. Психоанализ, убежден Фрейд, доказывает, что сын создает бога по образу своего отца, что личное отношение к Богу зависит от отношения к телесному отцу. Ритуал сопровождается также печалью и оплакиванием тотема, т.к. тотем — убитый ранее праотец. Жертвоприношение, возвращая к акту отцеубийства, выражая раскаяние и стремление искупить свою вину, каждый раз, с точки зрения Фрейда, давало новый импульс развитию культуры²⁸. Тотемизм, заключает он, есть реакция на великое событие (отцеубийство), «с которого началась культура и которое с тех пор не дает покоя человечеству»²⁹.

Тотемизм, по Фрейду, закрепляет два важнейших фактора, определявших возникновение и становление всех будущих религий: сознание вины сына и сыновье сопротивление. В тотемизме отец замещается

²⁴ Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет / пер. с нем.; предисл. Б.Р. Нанейшвили, Г.Б. Нанейшвили. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 335.

²⁵ См.: Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 241, 242.

²⁶ Фрейд З. Тотем и табу. С. 333, 334.

²⁷ Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 242.

²⁸ См.: Фрейд З. Тотем и табу. С. 335.

²⁹ Там же. С. 334.

дважды: как бог и как тотемное животное. В качестве бога ему поклоняются, в качестве тотемного животного — приносят в жертву Богу. Бог в своем человеческом образе развивается из животного-тотема на более поздних этапах истории. Сначала отец замещается тотемом, затем — Богом. Религия возникает из тоски по отцу. Каждый из братьев, убивших отца, желал достигнуть его могущества, но это желание не могло осуществиться вследствие давления со стороны всех братьев. Это неосуществленное желание постепенно переросло в идеал, имевший содержанием всю полноту и неограниченность власти праотца и готовность ему подчиниться. «Первоначальное демократическое равенство всех соплеменников нельзя было уже больше сохранить», требовалось восстановить идеал отца в виде Бога³⁰. Дальнейшее развитие религий шло по пути очеловечения почитаемого существа. «На место зверей выступают человеческие боги, происхождение которых из тотема очевидно. Бог либо изображается в животном облике или по крайней мере с лицом животного, либо тотем становится преимущественным спутником бога, от него неотделимым, либо же легенда заставляет бога убить как раз того зверя, который был его непосредственной предшествовавшей ступенью. В какой-то не совсем ясный момент этого развития на сцену выступают великие материнские божества, вероятно, еще прежде мужских божеств, так что позднее одни долго сосуществуют с другими. Тем временем произошло великое социальное потрясение. Материнское право было отменено вновь восстановившимся патриархальным порядком. Новые отцы, конечно, не достигли всемогущества праотца, их было теперь много, живущих рядом друг с другом в более крупных сообществах, чем прежняя орда; им приходилось ладить друг с другом, они не переступали границ социального законодательства. По-видимому, материнские божества возникли в эпоху ограничения матриархата и служили для возмещения ущерба отесняемой матери. Мужские божества появляются вначале как сыновья рядом с великими матерями, лишь позднее они приобретают явные черты праотцовского облика. Эти антропоморфные божества политеизма отражают обстоятельства патриархальной эпохи. Они многочисленны, взаимно друг друга ограничивают, иногда подчиняются вышестоящему божеству. Ближайший шаг, однако, ведет к занимающей нас здесь теме — к возвращению единого, единственного, безгранично правящего бога-отца»³¹.

Иудаизм и христианство. Фрейд убежден, что иудаизм и христианство в своей истории и в догматике во многом повторяют тотемизм и отражают трагедию отцеубийства, случившуюся в первобытной орде. Психологический механизм становления монотеизма

тот же: отправная точка — Эдипов комплекс, затем — запрет влечений, вытеснение, сублимация, акт отцеубийства. После установления братского клана, материнского права, экзогамии и тотемизма началось медленное возвращение вытесненного в подсознание акта отцеубийства. Возвращение вытесненного происходит медленно, под влиянием изменений условий жизни. Отец снова становится главой семьи, но уже с ограниченной властью. Тотемное животное уступает место Богу, между этими двумя инстанциями «вырастает герой как предварительная ступень к обожествлению». Возникновение монотеизма всегда связано с существованием некоей единственной исторической личности, которая воспринималась как «бесконечно великая» и была впоследствии обожествлена. На своих современников герой влияет двумя способами: 1) через свою личность; 2) через идею, за которую он выступает. Более распространен первый случай, т.к. у человеческой массы есть сильная потребность в авторитете, вырастающем из тоски по отцу. Герой, который мог стать воплощением Бога, должен был походить на отца: демонстрировать силу воли, ярость, самостоятельность, независимость, беспощадность и внушать страх. По мере объединения племен в единый народ боги сначала выстраиваются в иерархию, затем среди них выделяется единственный Бог, который и наделяется качеством всемогущества. Лишь на этой ступени возрождается все величие отца первобытной орды, и «причитающиеся ему аффекты получают шанс возобновиться»³².

Обретение единого всемогущего Бога становится огромным событием в жизни древних евреев. «Первое воздействие встречи со столь долго отсутствовавшим и желанным было ошеломляющим — таким, как описывает предание о введении законов на горе Синай. Изумление, благочестивая преданность и благодарность за то, что человек обрел милость в его глазах: Моисеева религия знает только эти позитивные чувства в отношении божественного отца и никаких других. Убеждение в его необоримости, покорность его воле не могли быть у беспомощного, запуганного сына отца первобытной орды более безусловными; больше того, лишь перенесение в примитивную и инфантильную среду только и делает их вполне понятными»³³. Древние евреи, подобно ребенку, с энтузиазмом и преданностью встретили возвращение великого отца. Только детской инфантильностью, утверждает Фрейд, можно объяснить «интенсивный и неисчерпаемо глубокий религиозный экстаз», проявленный евреями при обретении своего Бога. И наоборот: религиозный экстаз вскрывал глубины подсознания, погружая евреев в состояние детства.

³⁰ См.: Фрейд З. Тотем и табу. С. 337, 338, 341.

³¹ Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 207, 208.

³² Там же. С. 231, 232, 252, 253.

³³ Там же. С. 253.

В полном соответствии с Эдиповым комплексом отношение древних евреев к обретенному Богу было также амбивалентным, но отличалось своеобразием: в рамках Моисеевой религии не было места для прямого выражения «убийственной ненависти к отцу». Если в первобытной орде ненависть к отцу заканчивается его убийством, то ненависть к Богу у древних евреев приобретает форму ощущения своей греховности, трансформируется в сознание своей вины перед ним и в замаскированную агрессию к самим себе. Чем сильнее было чувство ненависти, тем выше поднимался уровень агрессии к самим себе, тем жестче и тяжелее становились нормы религиозной и нравственной аскезы. В своем стремлении доказать любовь к Богу и свою греховность древние евреи достигали высочайшего уровня аскезы, не доступной другим народам. Свои беды древние евреи, считавшие себя богоизбранным народом и боявшиеся потерять ощущение своей исключительности, связывали с ущербностью не Бога, а самих себя. Сомнения в Боге могли обернуться утратой обретенной иллюзии своей богоизбранности. Высокая духовность этики иудаизма, утверждает Фрейд, происходит «из сознания вины за подавляемую враждебность к Богу. Она имеет незавершенный и незавершимый характер навязчиво-невротических реактивных образований; легко догадаться также, что она служит тайным намерениям наказания»³⁴.

За иудаизмом последовало христианство, где тема убийства праотца, полагает Фрейд, встает в полный рост. Христианство, с его точки зрения, восприняв многие элементы от других религий средиземноморских народов, отступило от чистого монотеизма, что демонстрировал иудаизм. Данные вкрапления (особенно детали ритуала) несли с собой наследие тотемизма, где убийство праотца явственно читалось. Сознание своей вины перед Богом (отцом), предчувствие беды распространялось не только среди евреев, но и на все народы Средиземноморья. Однако именно евреи предложили выход из состояния общей психологической угнетенности. Подлинным основателем христианства Фрейд считает апостола Павла, который, полагает он, был религиозно одаренным человеком, «темные следы прошлого таились в его душе, готовые к прорыву в более осознанные сферы»³⁵. Первородный грех и искупление через жертвенную смерть «стали столпами новой, основанной Павлом религии». По-видимому, предполагает Фрейд, идея избавления человечества выстраивалась под влиянием древних восточных и греческих мистерий. «Первым прозрением прорезалось в сознании

еврея Савла из Тарса, называвшего себя в качестве римского гражданина Павлом: мы так несчастны потому, что убили Бога-отца. И совершенно понятно, что эту крупницу истины он не мог охватить иначе, как в бредово-маниакальном одеянии радостной вести: мы избавлены от всякой вины с тех пор, как один из нас пожертвовал своей жизнью для нашего искупления. В этой формулировке убийство Бога, естественно, не упоминалось, однако преступление, которое нужно было искупать жертвенной смертью, не могло быть ничем, кроме убийства. А опосредованием между бредовой идеей и исторической истиной стало уверение, что жертвою явился Сын Божий»³⁶. Место блаженно избранничества заняло теперь освободительное искупление. Факт отцеубийства возвращался в память, хотя и в искаженном виде: «Неназванное преступление было заменено допущением некоего туманного первородного греха»³⁷.

По Фрейду, идея первородного греха, сформулированного апостолом Павлом, стала реализацией сознания вины. Первородный грех — это преступление против Бога, искупаемое только смертью. На деле этим преступлением было убийство обожествленного позднее праотца. «Согласно коренящемуся глубоко в человеческом чувстве закону Талиона, убийство можно искупить только ценой другой жизни; самопожертвование указывает на кровавую вину. И если это приношение в жертву собственной жизни ведет к примирению с отцом-богом, то преступление, которое нужно искупить, может быть только убийством отца»³⁸. Само убийство не осталось в памяти, а вместо него было придумано искупление. «Сын Божий в качестве невинного позволил умертвить себя и тем самым взял на себя вину всех. На сцену должен был выступить именно сын, ведь убийство было совершено над отцом»³⁹. В исторической действительности, утверждает Фрейд, избавитель никак не мог принести себя в жертву, он был предводителем банды братьев, убившей отца. Христос, сыгравший роль избавителя, есть лишь результат смещения сознания, он — наследник оставшейся неисполненной мечты о герое, который восстает против отца и убивает его⁴⁰. Амбивалентность отцовского комплекса здесь также смещается. В тотемизме сыновья примиряются с убитым отцом при том условии, что убитый воскрешается в виде Бога, которому они поклоняются. В христианстве «Сын, взявший на себя покаяние, сам стал Богом рядом с Отцом и, собственно, вместо Отца.

³⁶ Там же. С. 255.

³⁷ Там же.

³⁸ Фрейд З. Тотем и табу. С. 343.

³⁹ Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 211.

⁴⁰ См.: там же.

³⁴ Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 254.

³⁵ Там же. С. 211.

Происходя из религии Отца, христианство стало религией Сына. От рока неизбежного устранения Отца оно не ушло»⁴¹. «В знак этого замещения древняя тотемистическая трапеза снова оживает как причастие, в котором братья вкушают плоть и кровь Сына, а не Отца, освящаются этим причастием и отождествляют себя с ним. Наш взгляд может проследить в потоке времен тождество тотемистической трапезы с жертвоприношением животных, с богочеловеческим жертвоприношением и с христианской евхаристией, и во всех этих торжествах он открывает отголосок того преступления, которое столь угнетало людей и которым они должны были так гордиться. Христианское причастие, однако, является по существу новым устранением отца, повторением деяния, которое нужно искупить»⁴². «Таким образом, — заключает Фрейд, — в христианском учении человечество самым откровенным образом признается в преступном деянии доисторического времени, потому что самое полное искупление его оно нашло в жертвенной смерти сына»⁴³.

Фрейд противопоставляет иудаизм и христианство по степени духовности, что в его интерпретации означало уровень отказа от влечений. Духовность, с его точки зрения, есть результат сублимации вытесненных влечений: чем строже накладываемые ограничения на влечения, тем выше уровень духовности. Именно духовность, говорит психоанализ, выводит человека из животного состояния, создает культуру и обеспечивает ее прогресс. Иудаизм, по Фрейду, создав ранее небывалую религиозную и нравственную аскезу, совершил рывок колоссальной силы в духовной сфере. Произошло это благодаря трем факторам. Во-первых, религия Моисея дала евреям более величественное представление о Боге, или о более величественном Боге. Верующий в такого Бога приобщался к его величию, мог сам себя чувствовать приподнятым. Во-вторых, запрет на изготовление образа Бога принуждал почитать Бога, которого нельзя видеть, что принижало чувственное восприятие Бога и развивало абстрактное о нем представление. Это приводило к феномену, известному у невротиков, детей и первобытных народов, а именно всемогуществу мысли. Данный феномен стимулировал появление языка, а тот, в свою очередь, — интеллектуальную деятельность, создавшую мир духовности. В этом мире духовности определяющими были представления, воспоминания и умозаключения в противоположность более низкой психической деятельности, обусловленной восприятием с помощью органов чувств. В-третьих, признание духовных сил, которые не улавливаются чувствами, но способны оказывать сверхмощное воздействие. Тем самым была открыта душа как

духовное начало в человеке. В-четвертых, переход от матриархата к патриархату: поворот от матери к отцу означал победу духовности над чувственностью»⁴⁴.

Подавление чувственности (влечений) подняли, по Фрейду, самосознание личности и народа, что объясняется механизмом индивидуальной психологии. Если «Оно» требует удовлетворения эротической или агрессивной природы, «Я» должно эти требования удовлетворить и получить удовольствие. Однако на пути к этой цели встречаются препятствия внешнего и внутреннего характера. Внешнее препятствие рождает неприятное напряжение, внутреннее — предстает в виде «Сверх-Я». Отказ от влечения в результате влияния «Сверх-Я» рождает удовольствие для «Я», некое эрзац-наслаждение. «Мы, похоже, понимаем механизм наслаждения такого рода. “Сверх-Я” — преемник и представитель родителей (и воспитателей), надзиравших за поведением индивида в первый период его жизни; “Сверх-Я” почти без изменения перенимает функции старших. “Сверх-Я” ввергает “Я” в длительную зависимость, осуществляя на него постоянное давление. Точно как в детстве, “Я” озабочено тем, чтобы не рисковать любовью этого властителя, похвалу с его стороны воспринимает как освобождение и удовлетворение, упрек — как укор совести. Когда “Я” пожертвовало в пользу “Сверх-Я” тем или иным влечением, оно ожидает в награду увеличение любви к себе. Сознание, что любовь эта заслуженна, вызывает гордость. В эпоху, когда авторитет еще не был вобран внутрь в качестве “Сверх-Я”, отношение между грозившей утратой любви и зовом влечения могло быть аналогичным. Когда из любви к родителям ребенок осуществлял отказ от влечения, наступало чувство безопасности и удовлетворения. Особый нарциссический характер гордости мог появиться у этого доброго чувства лишь после того, как сам авторитет стал частью “Я”»⁴⁵. У древних народов роль авторитета берет на себя или великий человек (Моисей у древних евреев), или Бог. В развитии человечества чувственность постепенно пересиливается духовностью, люди от каждого такого шага ощущают гордость и подъем. Позднее духовность преодолевается эмоциональным феноменом веры. «Возможно, общая черта всех подобных психологических ситуаций несколько иная. Возможно, человек просто объявляет более высоким то, что более трудно, и его гордость есть не что иное, как нарциссизм, обостренный сознанием преодоленной трудности»⁴⁶.

Противопоставляя христианство иудаизму, атеист Фрейд отдает предпочтение второму, критикуя первое. Апостол Павел, полагает он, стал разрушителем

⁴¹ Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 256.

⁴² Фрейд З. Тотем и табу. С. 343, 344.

⁴³ Там же. С. 343.

⁴⁴ См.: Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 233–235.

⁴⁵ Там же. С. 238.

⁴⁶ Там же. С. 239.

иудаизма, разбудив идеей искупления сознание вины в человечестве, отказавшись от богоизбранничества своего народа и от его «зримого знака, обрезания», так что христианство смогло стать универсальной религией. «Во многих аспектах новая религия означала культурный регресс по сравнению со старой, иудаистской, что ведь обычно и случается при вторжении или при допущении новых человеческих масс, стоящих на более низком уровне. Христианская религия не удержала той высоты одуховления, к которой взметнулся иудаизм. Она уже не была строго монотеистической, переняла от окружающих народов многочисленные символические ритуалы, восстановила великое материнское божество и изыскала место для размещения многих божественных образов политеизма в прозрачной оболочке, хотя и на подчиненных позициях. Главное — она не замкнулась, как то сделала религия Атона и следовавшая за нею Моисеева религия, от проникновения суеверных, магических и мистических элементов, которым на протяжении ближайших двух тысячелетий суждено было явиться тяжелой помехой умственному развитию»⁴⁷. Иными словами, «высокая духовность иудаизма», по Фрейду, — это не только результат сублимации и ограничения влечений, но также рационализация интеллекта, освобождение сознания от мистики и подготовка его к адекватному восприятию действительности. Прогрессивная роль христианства Фрейду видится в одном: оно помогло возвращению в сознание вытесненного акта отцеубийства, т.е. реализовало психотерапевтическую, а значит, гуманистическую функцию.

Иудаизм и антисемитизм. Фрейд — еврей, он и его семья пострадали от нацизма. Когда он писал свои работы по религии, нацисты уже пришли к власти, антисемитизм стал официальной идеологией и практикой Третьего рейха. Антисемитизм всегда был силен в Европе, а евреи — гонимым народом, что в годы Второй мировой войны закончилось его геноцидом. Тема антисемитизма почти никогда не звучала в творчестве Фрейда, но в связи с рассмотрением иудаизма и в условиях начавшегося геноцида евреев он на эту тему откликнулся. Фрейд ставит перед собой задачу объяснить, благодаря чему еврейский народ сохранился до нашего времени. Евреи, полагает он, явили стойкость и жизнеспособность главным образом потому, что Моисей своей религией сформировал у них особый характер. Получив от него религию, евреи «уверовали в свое превосходство над другими народами. Они сохранились после этого благодаря тому, что держались поодаль от всех других. Происходившее смешение крови тут мало чему мешало, потому что сплывающим их началом был идеальный момент, совместное владение определенными интеллектуальными и эмоциональными благами. Моисеева религия

действовала таким образом, потому что 1) дала народу приобщиться к великолепию нового представления о Боге, 2) утверждала, что народ избран этим великим Богом и предназначен быть свидетельством его особенного благорасположения, 3) принуждала народ к прогрессу духовности, что и само по себе достаточно важно, и сверх того открывает путь к высокой оценке интеллектуальной работы и к дальнейшему отказу от влечений»⁴⁸.

Фрейд называет несколько причин антисемитизма, которые условно можно поделить на культурно-исторические и религиозные. Культурно-исторические причины следующие. Во-первых, евреев обвиняют в пришлости, они якобы оказались в Европе позднее современных европейских народов. Фрейд считает этот упрек самым негодным: в Кёльн, например, евреи пришли еще вместе с римлянами, и только потом он был захвачен германцами. Во-вторых, культура и характер евреев отличается от «нордических народов», что вызывает со стороны последних нетерпимость. Еще сильнее раздражает тот факт, что евреи «упорствуют перед лицом любого гнета, что жесточайшим преследованиям не удалось их искоренить, и, больше того, они, наоборот, обнаруживают способность отличаться в хозяйственной жизни и, когда им позволяют, вносят ценный вклад во всех областях культуры»⁴⁹.

Главные причины антисемитизма Фрейд видит в религиозной истории человечества, истолкованной им, разумеется, в духе психоанализа. Во-первых, евреев обвиняют в убийстве Бога. Евреи, рассуждает он, не принявшие христианства (их стали называть иудеями), обособились от других народов еще больше. Народы, принявшие христианство, стали обвинять иудеев в убийстве Бога. «В неурезанном виде этот упрек звучал бы так: они не хотят принять к сведению, что они убили Бога, тогда как мы это признаем и от этой вины очищены. Тут уж нетрудно увидеть, сколько истины таится за этим упреком. Почему для евреев оказалось невозможным сделать шаг вперед, несмотря на все искажения содержащийся в исповедании богоубийства, могло бы стать предметом другого исследования. Они возложили на себя тем самым в известной мере трагическую вину; их заставили за это тяжело поплатиться»⁵⁰. Во-вторых, ревность к евреям, которые выдали свой народ за богоизбранный. В-третьих, обряд обрезания, который достает из подсознания народов доисторический факт кастрации сыновей отцом, что народы предпочли бы забыть. Комплекс кастрации постоянно будит у современных народов воспоминание

⁴⁸ Там же. С. 243, 244.

⁴⁹ Там же. С. 215.

⁵⁰ Там же. С. 256.

⁴⁷ См.: Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 212, 213.

об отцеубийстве, что влечет утрату психического равновесия и заставляет уйти в невроз. В-четвертых, христианские народы, где распространен антисемитизм, стали христианами относительно недавно, оставшись, по сути, варварами, в глубине подсознания будучи верными политеизму. Как правило, христианство им было навязано силой, они «плохо крещены», под штукатуркой их христианства они «остались тем, чем были их предки, потворствовавшие варварскому политеизму. Свою злобу к новой, навязанной им религии они не преодолели, только перенесли ее на источник, откуда пришло к ним христианство. Тот факт, что Евангелия содержат повествование, развертывающееся среди евреев и рассказывающее только о евреях, облегчило им такой перенос. Их ненависть к евреям есть в сущности ненависть к христианам, и не приходится удивляться, что в немецкой национал-социалистической революции эта внутренняя связь двух монотеистических религий находит столь ясное выражение во враждебном преследовании обеих»⁵¹. Иными словами, иудаизм и христианство, радикально подавив влечения, стали причиной бурно накапливающейся агрессии, которая в конечном счете обращается против евреев. Евреи объявляются источником всех несчастий, поскольку они — основатели иудаизма и христианства. Открыто это не признается, но психоанализ, вскрывая сложный психологический механизм жизни человека, способен по-своему показать зависимость между религиозной аскезой, агрессией, ею вызванной, и объектом этой агрессии, что Фрейд и пытается сделать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 27–30, 36, 38, 41–45, 49, 52–54, 57–59.*

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, теории и истории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

2. *Фрейд З. Демонологический невроз семнадцатого столетия // Russian Imago 2002. Исследования по психоанализу культуры: сб. М., 2004. С. 53, 54.*
3. *Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 76, 84, 85.*
4. *Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет / пер. с нем.; предисл. Б.Р. Нанейшвили, Г.Б. Нанейшвили. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 333–335, 337, 338, 341, 343, 344.*
5. *Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 201, 207, 208, 197–205, 209, 211–213, 215, 216, 226, 231–235, 238, 239, 241–244, 250, 252–256.*

REFERENCES

1. *Freud S. The Future of one illusion // Freud S. Psychoanalysis. Religion. Culture / comp. and the introduction by A. M. Rutkevich. M., 1991. P. 27–30, 36, 38, 41–45, 49, 52–54, 57–59.*
2. *Freud S. Demonological neurosis of the seventeenth century // Russian Imago 2002. Research on psychoanalysis of culture: sat. M., 2004. P. 53, 54.*
3. *Freud S. Dissatisfaction with culture // Freud S. Psychoanalysis. Religion. Culture / comp. and the introduction by A. M. Rutkevich. M., 1991. P. 76, 84, 85.*
4. *Freud S. Totem and taboo // Freud S. “I” and “It”. Works of different years / transl. from German; preface B. R. Naneishvili, G. B. Naneishvili. Tbilisi, 1991. Book 1. P. 333–335, 337, 338, 341, 343, 344.*
5. *Freud S. The man Moses and the monotheistic religion // Freud S. Psychoanalysis. Religion. Culture / comp. and the introduction by A. M. Rutkevich. M., 1991. P. 201, 207, 208, 197–205, 209, 211–213, 215, 216, 226, 231–235, 238, 239, 241–244, 250, 252–256.*

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law at Lomonosov Moscow state University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; chief researcher, sector of Philosophy of Law, theory and history of the state and law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

⁵¹ См.: *Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 215, 216.*